

Наталья Александрова

Тот, кто появляется
в полночь

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Тот, кто появляется в полночь

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Тот, кто появляется в полночь / Н. Н. Александрова —
«Издательство АСТ», 2020 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-121998-7

Мистика и фольклор сплелись в одну удивительную историю о правителе Валахии – князе Владиславе из рода Дракулешти, вся жизнь которого прошла в бесконечной и безжалостной борьбе с внешними и внутренними врагами. Его подданные жили в страхе и старались без крайней необходимости не попадаться ему на глаза. Однако по ночам столица Валахии оказывалась во власти другого владыки, еще более беспощадного... Следователь Малашкин, знакомый с Дракулой по книгам и фильмам, конечно, не верил в его существование, однако детали одного весьма необычного дела повергли его в сомнения. Оживший и сбежавший из морга мертвец, умершая от потери крови больничная кладовщица, пропажа пробирок с кровью из клинической лаборатории... Неужели в городе и его окрестностях орудует вампир, который выходит по ночам из земли и пьет кровь живых, чтобы утолить свой вечный голод?... Ранее книга издавалась под названием «Клинок графа Дракулы».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121998-7

© Александрова Н. Н., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Наталья Александрова

Тот, кто появляется в полночь

© Н. Александрова, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

В конце октября в наших местах темнеет рано, так что пора было подумать о ночлеге. Калиныч огляделся по сторонам и приуныл. Впереди, насколько хватало глаз, вдоль дороги тянулся хмурый осенний лес и не было видно никаких признаков человеческого жилья. И вообще ни души кругом, только маленькая собачонка бежала следом за ним на безопасном расстоянии. Она увязалась за Калинычем в последней деревне – в той самой, где они разошлись с Кофейником.

Калиныч не раз уже пожалел, что поддался на уговоры Кофейника и отправился на промысел в область.

До сих пор он бомжевал в городе и горя не знал: там всегда можно найти какую-нито еду, а то и выпивку, а самое главное – в городе не было проблем с ночлегом, на каждом шагу попадались теплые подвалы. Но Кофейник расписал ему, как много в пригороде пустующих дач, куда ничего не стоит забраться и где можно разжиться и едой, и даже кое-какими теплыми вещами...

Ничего из этого не вышло, отовсюду их гнали, в одной деревне чуть не убили таджики-гастарбайтеры, в другой едва не разорвали собаки. Они понемногу забирались все дальше от города, но здесь было еще хуже, люди злее, а собаки и вовсе звери. В довершение ко всему они переругались с Кофейником. Калиныч решил возвращаться в город и пошел к станции, да, видно, выбрал не ту дорогу.

Дорога сделала крутой поворот.

Лес кончился, слева открылось унылое поле, на котором тут и там валялись пустые ящики, справа, на пологом холме, виднелся одинокий дом. Дом был большой и какой-то странный, как будто нежилой – то ли недостроенный, то ли, наоборот, начавший разрушаться. В нем было три этажа, но все как бы от разных домов, по чьей-то прихоти прилаженные друг к другу: первый этаж – из массивных серых камней, второй – из красного кирпича, третий – деревянный, с выступающими темными балками. Ни одно окно в этом доме не светилося, и вообще от него словно исходило тоскливое и мрачное чувство заброшенности и безысходности.

Но выбора не было: уже начинало темнеть, и лучше переночевать в самом мрачном доме, чем под открытым небом.

Калиныч свернул на узкую тропку, которая взбегала на холм.

Собачонка, которая до сих пор преданно следовала за ним, остановилась на дороге и залаяла, будто хотела остановить человека. Калиныч оглянулся на шавку и призывно свистнул. Все же какая ни на есть живая душа. Но собака за ним не пошла, она села посреди дороги и завывала. От этого заунывного воя настроение Калиныча, и так отвратительное, еще больше испортилось.

– Не хочешь идти – черт с тобой, но на нервы не действуй! – Он поднял с земли камень, замахнулся.

Шавка вскочила, отбежала на несколько шагов и снова завывала.

Калиныч бросил камень наугад, не стараясь попасть, и побрел к дому. Ноги поднимались тяжело, словно на каждую налипло по пуду грязи.

Дом окружал дощатый забор, но доски были пригнаны плохо, и бомж без труда нашел дырку.

Калиныч оказался возле задней стены дома, и тут его ждала неожиданная удача: одно из подвальных окон было разбито. Окно было небольшое, но Калиныч от плохого питания и беспокойной жизни отощал и без труда пролез в это окошко.

В подвале было темно и холодно, пожалуй, даже холоднее, чем снаружи. Этот сырой холод пробирал до самых костей, проникал прямо в душу.

Но больше, чем темнота и холод, Калинычу не понравился запах.

Казалось бы, он, бомж со стажем, привык ко всяким запахам, но здесь, в этом подвале, пахло чем-то особенно неприятным.

Здесь пахло смертью.

– Кошка, что ли, сдохла... – пробормотал Калиныч, оглядываясь по сторонам.

Глаза его привыкли к темноте. Он разглядел сваленные в углу обломки мебели, лестницу в дальнем от него углу и какой-то большой ящик, перегородивший проход к этой лестнице.

Ящик был старый, из толстых темных досок, обитых железом, сбоку на нем висел большой замок.

Хозяйственный бомж подумал, что, коли уж этот ящик заперт на замок, значит, в нем хранится что-то стоящее. Он снова огляделся в поисках какого-нибудь подходящего инструмента. На полу, среди многолетней пыли и мусора, валялась ржавая железная загогулина. Не лом, конечно, но лучше, чем ничего...

Калиныч поддел замок, нажал...

Его железный инструмент погнулся, но замок остался цел.

– Ну, ничего... – пробормотал бомж, – я тебя растолкую...

Он нашел щелку между досками, вставил туда свой инструмент, снова поднажал.

Доска треснула, кусок отлетел в сторону.

Из темной дыры хлынуло густое, невыносимое зловоние. Калиныч отшатнулся, закашлялся, но потом любопытство взяло верх над брезгливостью, он потянулся к дыре, заглянул внутрь.

Ему показалось, что в ящике что-то шевелится.

Но этого, конечно, не могло быть.

Бомж пристально взгляделся в душную зловонную черноту – и вдруг увидел глаза. Белки глаз тускло отсвечивали в глубине ящика. Из темноты на Калиныча смотрел какой-то огромный зверь.

– Матерь божья! – пролепетал Калиныч дрожащим голосом. – Что это за хрень?

И тут страшная, неведомая сила схватила его за шею и втащила внутрь.

Он успел подумать, что это невозможно, что, как бы он ни отощал, но пролезть в такую маленькую дыру не может, сюда и ребенок-то не пролезет...

Больше он ничего не подумал.

Больше вообще ничего не было – наступила вечная, бездонная ночь.

* * *

Встречная машина мигнула фарами, предупреждая, что впереди за поворотом затаился гаишник. Лиза машинально притормозила. Ага, вот он, злодей, сидит в кустах! Смотрит сердито – прицепиться-то не к чему. А сам замерз весь, нос прямо синий. Сегодня ветер колючий, ледяной, к вечеру едва ли не ураган обещали. Все-таки махнул ей рукой. Вот еще напасть! Она свернула к обочине.

– Старший сержант Стриж! – сказал он хрипло. – Попрошу права и документы на машину!

Лиза молча протянула ему то, что он требовал.

Он делал вид, что смотрит документы, а сам втихаря разглядывал ее. Вблизи старший сержант оказался совсем молодым парнем. Все с ним ясно – просто человеку скучно на работе. А она при чем? Ей ехать надо! И так с этой погодой задержалась, приедет на час позже, Никита будет недоволен. Хотя какое он имеет право?

Вспомнив про Никиту, она пошевелилась и тяжело вздохнула.

– Что такая сердитая? – поинтересовался старший сержант. – Случилось что?

Заводит беседу, разговаривает задушевным тоном, прямо как отец родной! А сам взятку ждет!

Лиза не ответила на вопрос, демонстративно взглянув на часы. Не станет она вступать с ним в разговоры, она ничего не нарушала, пускай сам придумывает, в чем она виновата. А если всерьез привяжется, то и ладно, она вообще не поедет к Никите. Тем более что он ее, кажется, и не ждет, раз телефон не отвечает. Снова забыл зарядить мобильник, знает же, что она сегодня приедет, давно договорились!

– Ладно, не буду задерживать, – сказал сержант, – вижу, что торопитесь.

Лиза молча воззрилась на него в полном удивлении.

– Вот еще что, – продолжал он, – на девяностом километре авария большая, четыре машины столкнулись. Езжайте лучше в обход, а то в пробке простояте долго.

– Спасибо, – Лиза благодарно улыбнулась, – мне раньше сворачивать, на Лиственное.

– Счастливого доехать! – он помахал рукой. – Осторожней только, ветер сильный!

«Попадаются и на дороге приятные люди», – подумала Лиза, улыбаясь. Она увидела себя со стороны – симпатичная молодая женщина в новеньком синем «Пежо». Одета хорошо, макияж, маникюр – все при ней. Только к чему это все? И улыбка сползла с ее лица.

Ветер крепчал – вон как мотаются сосны, растущие вдоль дороги. Да еще и дождь пошел, его косые струи ударялись в лобовое стекло несчастного «Пежо». Лиза представила, как она будет долго ехать по проселку, разбрызгивая лужи, как с трудом загонит машину во двор, как пойдет по заросшей сорняками дорожке к дому, спотыкаясь и безуспешно пытаясь закрыться от ветра и дождя. И во что превратятся ее новые сапоги? И во что превратится она сама?

И какая награда ждет ее в том доме на холме? Да если честно, то никакой. Может быть, там ждет ее уютный огонь очага? Камин с расстеленной перед ним шкурой белого медведя (так и быть, можно синтетической)? Горячее вино с пряностями и доносящийся из кухни аромат жареного мяса и выпечки... И сильный мужчина, который встретит ее на пороге и на руках внесет в дом?

Ага, размечталась!

Ни тепла, ни заботы, ни тем более любви человек, который живет в том доме, предоставить ей и не подумает. Не захочет, а скорее всего просто не может. Нет у него запасов любви и нежности, он никого не любит, даже себя.

Далее следовал неизбежный вопрос: за каким тогда чертом она едет к Никите сквозь ветер и дождь? Она задает себе этот вопрос уже почти месяц, с тех самых пор, как Никита поселился здесь. И только сегодня Лиза нашла в себе силы ответить на него честно: она это делает по глупости.

Сначала ей было Никиту жалко – он так одинок, его все бросили, она не может поступить как все, заколотить последний гвоздь в крышку его гроба. Она должна ему помочь, поддержать в трудную минуту, уговорить вернуться к нормальной жизни. У него тяжелый период, кто-то должен быть с ним рядом. Она поможет ему, вытащит его из депрессии, вдохнет в него живительную струю. И они начнут новую жизнь, в конце концов, ему еще нет сорока, а ей и вовсе двадцать девять лет, сейчас для женщины это не возраст.

После того как она побывала в этом доме, ее решимости заметно поубавилось.

Дом был большой и пустой, в нем давно никто не жил. А те, кто жил в нем раньше, не оставили после себя ничего, кроме небольшого количества старой мебели. Ни картинки на стенах, ни детского рисунка, ни отметин о росте на косяке старой рассохшейся двери. Стоял дом на холме уединенно, соседей не было. Дорога была не слишком крутой, но совершенно запущенной, Лиза и прошлые разы с трудом добиралась до ворот, а нынче дорогу наверняка размыло.

Снова накатило раздражение. Для чего она все это делает? Для чего гробит свою новую машину, когда еще и кредит за нее не выплачен? Для чего отпрашивается с работы, хотя начальник глядит косо и заставит потом отработать эти часы в двойном размере?

Но, в конце концов, это неважно. Машина – это всего лишь бездушная жестянка, как утверждал Никита, хотя ей казалось, что ее синенький «Пежо» – одушевленная личность, все понимает и даже умеет разговаривать: то тихонько сыто урчит, то шумит негромко, когда едут по ровной дороге, то возмущенно взрывается, когда Лиза заставляет его взбираться на скользкий холм, будь он неладен.

И все же это не главное. Главное – очень изменился сам Никита. Он стал удивительно желчным и неприятным в общении, хотя утверждал, что ему хорошо и спокойно в этом пустом доме в полном одиночестве, что наконец-то у него есть время подумать и, как он выражался, осмыслить свою жизнь.

Но она-то знала его очень хорошо, за то время, что они встречались – больше года все-таки, – она прекрасно его изучила. И теперь видела, что он растерян и совершенно деморализован. И понятия не имеет, что ему делать дальше. Но вместо того чтобы взять себя в руки и начать наконец искать выход из создавшегося положения, Никита обиделся на весь мир и ушел в себя. То есть он ведет себя как избалованный капризный ребенок, который руководствуется единственным правилом: «Назло маме отморожу уши!»

Капризный ребенок без малого сорока лет. Круто...

Он удалился в эту глушь, как король в изгнание. С той только разницей, что он был совсем не король. Однако упорно делал вид, что ему здесь хорошо. И добавлял, что никто ему не нужен, он вполне способен справиться самостоятельно. Это уже было открытым хамством, потому что навещала его одна Лиза, и он мог бы найти для нее хоть несколько слов благодарности.

В первый раз ей стало его ужасно жалко. Он спал с лица, и если еще не опустился, то такое было не за горами.

Когда она приехала во второй раз, то констатировала изменения к худшему почти спокойно. Он заметно похудел, глаза ввалились, волосы отросли, и видно было, что брился он только сегодня, перед ее приездом. В кладовке она нашла кучу грязного белья, на кухне кисла в раковине грязная посуда.

В доме имелся отопительный котел, но он не работал – что-то там сломалось, что неудивительно, поскольку дом долгое время был нежилой. В доме стоял жуткий холод, существовать можно было только в комнате, где Никита устроил спальню. Там стояли старая скрипучая кровать с деревянной спинкой, изъеденной жучком, и платяной шкаф с треснутым зеркалом.

Воду приходилось вручную доставать из колодца во дворе, потому что насос тоже не работал. Электричество в доме, как ни странно, было. На ее робкое предложение починить насос или хотя бы поискать по окрестностям мастера, который смог бы это сделать, Никита ответил решительным отказом. Он ничего не хотел делать в чужом доме. Он вообще ничего не хотел делать.

Лиза с трудом отогнала от себя картину, как он валяется целыми днями в комнате, обогреваемой масляным радиатором, и шарит в Интернете. Этак можно и вовсе с катушек слететь.

Хоть он и утверждал, что ему ничего не нужно, тем не менее жадно съел всю еду, которую она привезла. Голод не тетка. Сам он питался консервами и черствым хлебом, который раз в

неделю привозили в магазинчик в соседней деревне. Летом с продуктами было получше, но зимой деревни пустели, все жители перебирались в город.

Лизе все не нравилось в этом доме, он наводил на нее страх. С любовью тоже все вышло плохо. Так противно ложиться в эту старую кровать с мятыми несвежими простынями, ей было неуютно и скучно, ничего не хотелось. Никита же, казалось, ничего не замечал, он совсем не думал о ней.

Нужно было проститься еще в тот раз. Сказать, что она больше не сможет приезжать, с работы не отпускают, а выходные у нее заняты. И поскорее уехать.

А если по-умному, то следовало расстаться еще тогда, когда она узнала, что Никиту уволили с работы. Но ничто не предвещало крупных неприятностей. Ну, кризис, у всех проблемы, и все как-то их решают. Рано или поздно, с большим или меньшим успехом. И сначала она хотела дать ему время для того, чтобы прийти в себя.

А через две недели он огорошил ее известием: расстался с женой и уезжает за город, к друзьям.

Будь это в начале их романа, Лиза упала бы в обморок от счастья. Он наконец-то расстался с женой! Сам так решил, она, Лиза, нисколько на него не давила. Но к тому времени она уже прекрасно знала, что сам Никита решать ничего не может. Точнее сказать, не хочет. Ему и так хорошо. Что ж, она с этим давно смирилась. В конце концов, у нее тоже непреодолимые обстоятельства. Поэтому не нужно ничего менять.

Так они встречались от случая к случаю больше года. А потом вмешался кризис. Теперь волей-неволей приходилось что-то решать. И Никита выбрал путь наименьшего сопротивления, просто спрятал голову в песок, как страус.

Лиза не была знакома с его женой и не имела никакого желания с ней знакомиться. И никогда не спрашивала о ней у Никиты. Но все же какие-то сведения прорывались. Вскоре она поняла, что Никита не сам ушел, жена его просто вытурила. Тогда она возмущалась – как можно, человек и так в бедственном положении. Теперь же она думает, что все там было не так просто. И если бы она после второго приезда нашла в себе силы сказать твердое «нет», всем было бы только лучше. Ей не нужно было бы тащиться сюда по ужасной дороге, а Никите не перед кем было бы притворяться, и он уехал бы в город и занялся поисками работы. Но тогда, неделю назад, она дала слабину, внезапно накатили воспоминания о первых неделях и месяцах их знакомства.

Как он ей нравился! Как приятно было смотреть на него – красивого, раскованного, улыбающегося открытой улыбкой! Еще приятнее было проводить с ним время и слушать его умные речи. Говорить он умел, это точно.

Они познакомились на корпоративной вечеринке, их фирма тогда удачно сдала большой проект, и на корпоративе присутствовали сотрудники рекламного агентства, которое занималось продвижением проекта. Было много народу, Лиза хорошо знала едва ли половину, с некоторыми просто здоровалась.

Никиту она увидела тогда впервые. Интересный, хорошо одетый мужчина сидел в углу за роялем и наигрывал что-то спокойное и удивительно подходящее к Лизину настроению. Она не удержалась и подошла ближе. Он улыбнулся ей, как старой знакомой, затем поглядел внимательно и заиграл что-то совсем другое.

– Это я вас так вижу! – сказал он. – Музыкой можно очень многое выразить.

– А каким вы видите себя? – спросила она, но он ответил, что самого себя трудно оценить.

Они поговорили, выпили по бокалу вина, познакомились.

– Я буду звать вас Бета, – сказал он, – так вам больше идет.

Она не возражала. Так получилось, что никто не тревожил их в этом уголке за роялем, они проболтали почти час. Впрочем, говорил больше он, а Лиза слушала. Говорил он замечательно, любая самая простая история у него выходила веселой и занимательной. В процессе

разговора он наигрывал какие-то музыкальные фразы, сыпал стихами, один раз нарисовал что-то на листке бумаги.

Она знала, что он – сотрудник рекламного агентства, но не спросила, чем он занимается. Ей не нравилось, когда все с ходу начинают выяснять, что за должность человек занимает, как будто важнее этого ничего нет на свете. Еще бы про зарплату спросили!

Тогда, в первую встречу, Никита ее просто очаровал. Ей нравилось смотреть, как он склоняет голову к роялю, как его длинные музыкальные пальцы перебирают клавиши, словно лаская их, как он улыбается, а в глазах появляются веселые искорки. Ей нравилось слушать его голос, нравилась его манера непринужденно перескакивать с одной темы на другую без всякого перерыва. Он показался ей разносторонней личностью, его внутренний мир был огромен. И он готов был делиться своим богатством, от этого оно не уменьшалось.

Вечеринка незаметно закончилась, кто-то отвлек Лизу, а когда она обернулась, за роялем уже никого не было. А ведь он так и не спросил номер ее телефона.

Следующая неделя была ужасной. Лиза не находила себе места, ночами ей снился Никита в виде прекрасного принца, она сама себя ненавидела за эти сны. Вроде бы не девочка, двадцать восемь лет, а вот, поди ж ты, угораздило так влюбиться. И ведь она совершенно не знает этого человека!

Кое-какие шаги она все же предприняла, сумела ненавязчиво выяснить его фамилию и должность. Можно было бы позвонить по служебному номеру и попросить господина Орлана. Фамилия его была Орлан. Никита Орлан, как красиво...

Но что она ему скажет? Вполне возможно, что он ее и не вспомнит. Неделю она боролась с собой, призывая на помощь гордость и здравый смысл. Даже Капа заметила: «Лизочек, что-то с тобой не то... Бледненькая, глазки больные, чашку разбила... Ты маленького ждешь? Как было бы хорошо, я свяжу ему носочки...»

Она тогда жутко наорала на Капу, до сих пор стыдно.

На восьмой день он позвонил. Сняв трубку служебного телефона, она узнала его голос сразу, но не поверила своим ушам. А он поболтал немножко, как будто они были старинными друзьями, и пригласил ее на кофе. Она едва нашла в себе силы сказать «да» и долго сидела потом с идиотской улыбкой, прижимая к груди плачущую трубку. Проходящий мимо начальник и тот удивился: «Что с тобой, Скворцова, наследство, что ли, получила от тетушки из Швейцарии?» Это он так шутил.

После второй встречи Лиза твердо поняла, что встретила мужчину, который ей нужен. Все остальные, кто был до этого, не шли с ним ни в какое сравнение. Скучные, ограниченные мужчины, думающие только о машинах и рыбалке, некоторые, правда, были увлечены карьерой.

Никита был совсем не такой. С той, второй, встречи она твердо решила, что с этим мужчиной ей никогда не будет скучно. Как же она ошибалась!

Но тогда жизнь казалась ей расстилающимся под ногами ковром, покрытым живыми цветами. Впечатление не испортил даже тот факт, что Никита оказался женат. Лиза не собиралась за него замуж, она хотела его любить. В конце концов, он сам сделал первый шаг, а про жену сказал, что они давно уже чужие люди и живут вместе только по привычке. Все так говорят.

Им было очень трудно встречаться, чтобы побыть только вдвоем, поэтому интимная близость не надоедала. У него была жена, а у Лизы – Капа.

Капа – это отдельная песня, Капа досталась ей в наследство вместе с квартирой. Кем она приходится Лизе, трудно было определить, какая-то очень дальняя родственница. Капе было прилично за восемьдесят, точного возраста опять-таки не знал никто из родных. Лиза все же как-то задалась целью вычислить, кто же такая Капа. Получалась какая-то путаница – не то она Лизе двоюродная бабушка, не то троюродная тетя, не то и вовсе сводная сестра ее деда.

Капа всегда была бодра, весела, как птичка, всем довольна и счастлива. Ничем особенным не болела, кроме головы.

Капа была в маразме. Не то чтобы совсем ничего не соображала, но имела в голове порядочное число крупных, откормленных тараканов, которые постоянно множились. Что она делала с неизменной страстью – это следила за собственной внешностью, постоянно меняла блузки и шарфики, очень много времени проводила перед зеркалом, накладывая косметику по пять раз на дню, причем подворовывала у Лизы дорогую помаду и тушь.

Поручить Капе что-нибудь по хозяйству было невозможно: она путалась в кнопках бытовой техники, сломала кофеварку и едва не залила соседей, испортив стиральную машину. Вместо соли могла насыпать в кастрюлю стиральный порошок, а вместо жидкости для мытья стекол использовала Лизин лосьон для лица. Могла включить газ под пустой кастрюлей, так что Лиза всерьез боялась пожара. В конце концов пришлось врезать замок на дверь кухни, и Лиза запирала ее, уходя на работу. Кормить Капу приходила соседка, она же следила, чтобы Капа не оставляла текущий кран в ванной и гасила ненужный свет.

Лиза никого не могла к себе пригласить, потому что Капа, скучавшая в одиночестве, гостей обожала. Она считала своим долгом занимать гостя бесконечными разговорами, пускалась в воспоминания, приносила огромный плюшевый альбом с фотографиями, перетрахиwала перед гостем различные безделушки, которых было у Капы великое множество. И с каждой связана была какая-нибудь история, преимущественно любовная, Капа рассказывала все время разное.

В общем, не то чтобы уединиться, а просто поговорить о своем в присутствии Капы не было никакой возможности. Выдерживали Капу только немногочисленные родственники, к тому же забредавшие к Лизе крайне редко.

Нет, Никите в доме Лизы не было места даже на вечер.

Они встречались в кафе, бродили по вечерним улицам, ездили за город, если позволяла погода. Занимались сексом в квартире ее подруги, которая уехала в Штаты на стажировку. Потом подруга вернулась, они стали встречаться реже, затем на Лизу навалилось много работы, после заболела Капа, и они не виделись почти месяц.

А потом, на ежегодной корпоративной вечеринке, Лиза увидела, как он сидит в уголке за роялем, а рядом с ним – незнакомая девица. Судя по всему, она подошла к Никите случайно, они не были знакомы раньше. Лиза приблизилась, никем не замеченная, и услышала, что он рассказывает девице ту же историю, что и ей когда-то. Потом он наиграл знакомую мелодию и сказал, улыбаясь:

– Это я вас так вижу. Музыкой можно многое выразить.

Девушку позвал кто-то, и она ушла. Никита играл что-то тихо, а Лиза стояла и смотрела на него совершенно другими глазами. Он был по-прежнему хорош, когда рассказывал что-то, но она знала, что истории его повторяются, и его оживление какое-то искусственное, и на фортепьяно он умеет играть лишь несколько мелодий, она все их слышала не раз. И стихи цитирует он одни и те же, и рисует... в общем, так себе. И весь он какой-то слишком легкий, поверхностный. И нет у него внутри никакого своего особого мира, все это ей только кажется.

Он поднял голову и улыбнулся ей, и Лиза выбросила из головы все здравые мысли. Все же ей было с ним хорошо.

А через некоторое время его уволили с работы.

* * *

Никита проснулся внезапно, как от толчка, сел в кровати. Сердце билось, как птица в клетке, в горле пересохло. Перед глазами еще теснились смутные обрывки сна.

В окнах была промозглая осенняя тьма. Он взглянул на часы – начало восьмого, до света еще далеко...

Встал, выпил воды из кружки, что стояла тут же, на стуле возле кровати, хотел снова лечь и вдруг услышал в глубине дома странные звуки. Какой-то приглушенный скрежет, как будто что-то пилили ржавой затупленной пилой.

Теперь он понял, что именно эти звуки его и разбудили.

Никита испугался. Наверное, воры или бомжи ломают входную дверь, чтобы забраться в дом... А у него нет даже оружия, чтобы пригрозить им. Ни пистолета, ни охотничьего ружья, ни ножа, ни топора под рукой. Топор валялся где-то в сарае, были там и дрова, но Никита ленился топить печь, уж больно много хлопот.

Он привычно пожалел о том, что ввязался в эту авантюру, согласился поселиться в чужом загородном доме.

В первый момент это показалось ему прекрасным выходом – не нужно думать о жилье и работе, можно прийти в себя, собраться с мыслями, продумать линию поведения.

В глубине души он надеялся, что жена одумается, придет к нему и будет уговаривать вернуться, начать все сначала...

Но она не приехала.

Она даже ни разу не позвонила. Видимо, не могла нарадоваться, что наконец избавилась от него.

Он вспомнил ее холодные слова, сказанные спокойно, без крика и накала, она вообще была женщиной выдержанной, никогда не срывалась по пустякам.

«Ты мне надоел своей пустой трескотней, – сказала она, – своим ничем не поддержанным самомнением, своей болтовней на отвлеченные темы. За всю жизнь я не слышала от тебя ничего дельного. Я понимаю, по-настоящему умных людей в мире не так уж много, с моей стороны было бы наивно надеяться, что мне достанется умный муж. Но если бы ты хоть что-нибудь умел делать по-настоящему! Я больше не могу, – завершила она, – давай расстанемся, ты будешь соблазнять молоденьких дурочек, возможно, они не сразу тебя разглядят...»

Он тогда ужасно обиделся, назвал жену предательницей, подколотой змеей и подлой тварью. Он упрекал ее в том, что она нарочно выбрала такой момент, когда у него трудный период, чтобы окончательно его добить.

Жена и бровью не повела и даже не ответила на его оскорбления. «Ничего страшного, – сказала она, – с тобой не случилось. Уволили с работы по сокращению штатов в связи с кризисом? Да такое теперь на каждом шагу! Ищи другую работу, даже полезно – покрутишься, узнаешь, что почем, проверишь свои силы, возможно, сменишь профиль...»

В голосе ее он слышал легкую насмешку. И завелся по-настоящему. Если бы она кричала и упрекала его за бесцельно прожитые годы, если бы устраивала сцены ревности, он мог бы ответить ей, завязался бы какой-никакой диалог, а в таких случаях он всегда выходил победителем. Но жена не стала отвечать на его оскорбления, она просто смотрела на него с презрением. Тогда он наорал на нее, заявил, что ноги его не будет больше в этом доме, хлопнул дверью и плюнул на порог.

На работе выдали при увольнении какие-то деньги, он решил снять квартиру, но тут приятель предложил вариант. Его знакомые купили этот дом и искали кого-то, чтобы пожил там некоторое время. Он согласился – ему виделось в мыслях, как он, одинокий и никем не понятый, сидит у камина и думает. А может быть, он что-то создаст – настоящий шедевр. И жена возьмет все свои слова назад, и его тоже возьмет. И попросит прощения. А он еще подумает, но потом простит.

Но жена даже не позвонила ни разу, чтобы узнать, как он там. А ведь прожили вместе десять лет! И вообще никто не звонил, как будто он исчез, будто его и не было никогда.

Правда, несколько раз приезжала Бета, но и она держалась отчужденно, неодобрительно и торопилась скорее уехать. Ее угнетала и мучила мрачная атмосфера этого дома.

Ему самому тоже было здесь неуютно, но Никита никому в этом не признавался, он делал хорошую мину при плохой игре.

По крайней мере, пытался...

Снизу снова донесся приглушенный скрежет.

Никита торопливо оделся, схватил дубинку, которую он смастерил из ножки от старого стула, мощный электрический фонарь и вышел из своей комнаты.

Включил свет, огляделся по сторонам.

Пыль, запустение, холод. Хорошо хоть электричество есть, хотя бы в некоторых комнатах, иначе он бы просто не выжил.

У него в спальне было тепло, Никита держал постоянно включенным масляный радиатор, но во всех остальных комнатах стоял арктический холод. Чтобы протопить весь этот огромный дом, нужно было расставить всюду не меньше сотни радиаторов или сжечь целый грузовик дров. В сарае имелись нераспиленные дрова и какие-то обломки мебели, можно было бы хоть изредка топить камин, но Никита боялся, что трубы забиты сажей и может возникнуть пожар. Черт дернул его связаться с этим домом! Он сделал это назло жене, а она только обрадовалась. Он не сдержал вырвавшееся бранное слово.

Никита обмотал шею шарфом и прислушался, чтобы понять, откуда доносятся звуки.

Как назло, наступила тишина.

Наверное, воры слышали его шаги и затаились.

Он тоже замер, вслушиваясь в тишину большого старого дома.

Где-то чуть слышно поскрипывали рассохшиеся половицы, где-то подвывал ветер. Вдруг сквозь все эти мирные, привычные звуки снова раздался скрежет.

Он явно доносился снизу, с первого этажа.

Стараясь ступать бесшумно, Никита спустился по лестнице. В холле первого этажа электричества не было, большое помещение едва освещалось тусклым светом, проникающим из окон. Никита включил фонарь, посветил перед собой, затем пересек холл, подкрался к входной двери, замер, прислушиваясь.

Дверь была заперта, за ней царил тишина – точнее, обычные звуки осенней ночи: шум ветра, скрип деревьев. От сердца немного отлегло. Никита перевел дух и прислонился к шершавой стене.

И тут он снова услышал тот же страшный скрежет.

Теперь он был гораздо громче и доносился не с улицы, а сзади, из глубины дома.

Никита повернулся и пошел в направлении звука.

Скрежет доносился из-за двери, ведущей в подвал.

Все понятно – воры пролезли в дом через подвальное окно... Кажется, вчера он видел, что оно разбито...

Но что они там пилят?

Никита толкнул подвальную дверь. Она была не заперта.

Он открыл ее, сделал несколько неуверенных шагов по лестнице, освещая перед собой ступени. В подвале стояла кромешная тьма, если и был сюда проведен свет, то лампочка давно перегорела.

За дверью было еще холоднее, чем в доме. Гораздо холоднее. Оттуда тянуло могильным холодом.

А еще... еще из подвала потянуло зловонием. Запах был такой отвратительный, что Никиту замутило.

Никита направил вниз луч фонаря и крикнул:

– Кто здесь?

Никто ему, разумеется, не ответил, но скрежет на какое-то время прекратился.

– Убирайтесь прочь! Я уже вызвал полицию!

Никита действительно достал мобильный телефон, взглянул на погасший дисплей...

Он, как обычно, забыл поставить телефон на зарядку, и теперь от него не было никакого толку. Но нельзя показать свою растерянность тем, кто хозяйничает в подвале!

Никита сделал еще два шага по лестнице, шаря по подвалу лучом фонаря.

На первый взгляд, там никого не было. Только груды мусора, обломки старой мебели, покрытые густым слоем пыли.

И тут Никита снова услышал тот же самый скрежет.

На этот раз он раздавался совсем близко, его источник находился рядом с лестницей, ведущей в подвал. Никита направил туда луч фонаря и увидел огромный ящик. Ящик из темных досок, обитых заржавленными железными полосами.

Крышка ящика была заперта на висячий замок, а еще на ней виднелась темно-красная сургучная печать. Но боковая стенка ящика оказалась проломленной, там виднелась большая неровная дыра, сквозь которую ничего не было видно. Точнее, сквозь эту дыру было видно *ничто* – черная пустота, тьма, густой мрак.

И еще... хотя Никита стоял довольно далеко от ящика, ему отчего-то показалось, что именно оттуда, из этого темного пролома, сочится, расползаясь по подвалу и медленно проникая в дом, то самое невыносимое зловоние.

– Кто... кто здесь? – повторил Никита без прежней уверенности в голосе. Он взвесил в руке свою дубинку... и понял, что она совершенно бесполезна, что она не поможет ему, не защитит от того зла, которое таится за проломленной стенкой ящика.

И тут снова раздался душераздирающий скрежет.

Но теперь, когда Никита был совсем близко к его источнику, ему не казалось больше, что что-то пилит. Теперь ему казалось, что кто-то грызет деревянную стенку ящика.

Несмотря на царящий в подвале могильный холод, Никита покрылся липким потом.

– Черт знает что такое... – пробормотал он, попятившись. – Развели тут какую-то пакость...

Ему больше не хотелось доискиваться причин странного скрежета. Ему хотелось бежать отсюда прочь, бежать как можно скорее и как можно дальше. В город, скорее вернуться в город, к людям, к теплу и свету, к пустым разговорам, к жизни... Хватит уже, насиделся тут сычом, уже мерещится черт знает что...

А для начала – хотя бы выбраться из подвала и запереть дверь, отгородиться этой дверью от тьмы, холода и ужаса, таящегося в подвале.

Правда, возникала одна неприятная проблема.

Чтобы выбраться из подвала, нужно было повернуться спиной к этому жуткому скрежету, повернуться спиной к ящику, к сочащемуся из него мраку и зловонию, а это оказалось выше его сил. Глаза его против воли устремлялись к ящику, рассматривали замок и странную сургучную печать – в сильном свете фонаря Никита видел на ней необычного вида крест.

Никита попытался подняться по лестнице пятясь, спиной вперед, но зацепился ногой за ступеньку и едва не свалился. Он остановился, перевел дыхание, постарался взять себя в руки, постарался справиться с нарастающим в душе ужасом.

И в это время из ящика донесся тяжелый, хриплый вздох.

В этом вздохе была такая древняя, такая глубокая и черная злоба, что Никита не выдержал, развернулся и бросился вверх по лестнице.

Ему нужно было преодолеть всего несколько ступенек, всего две... одну... он уже схватился за дверную ручку...

И в этот момент на его плечо легла тяжелая холодная рука.

Тяжелая и холодная, как могильная плита.

Тяжелая и холодная, как сама смерть.

* * *

Лиза свернула с проселка на подъездную дорогу. Из-под колес полетели комья грязи. Машина забуксовала, мотор взвыл, пытаясь справиться с непосильной задачей.

«Ну вот, еще и машину угроблю, – подумала она с тоской. – И какого черта я сюда поехала? Тоже мне благотворительница нашлась! Жалко тебе его? Да не нужна ему твоя жалость! Он сам себя не жалеет, своими руками разрушает собственную жизнь...»

Под колесо попал клочок твердого грунта, и машина справилась, выехала на дорогу, подкатила к воротам.

– Умница! – проговорила вслух Лиза и погладила приборную панель.

Она считала, что нужно время от времени хвалить машину, компьютер, прочую технику, тогда все эти полезные вещи будут служить ей верой и правдой. А свой «Пежо» она просто обожала и наделяла его человеческими чертами.

Затормозив перед воротами, Лиза дважды нажала на клаксон.

Резкий, требовательный сигнал показался ей оглушительным, однако никто на него не вышел. Дом за воротами стоял мрачный и нежилой. Не шел дым из трубы, не горел свет в окне, не висели на перилах крыльца яркие половички, доски крыльца были мокрые, на них валялись опавшие листья и комья грязи.

– Что он, спит до обеда? – проговорила Лиза с раздражением, впрочем, сердиться в данном случае можно было только на себя.

Делать нечего, пришлось выбраться из машины, прошлепать по грязи к воротам и самой распахнуть их.

Она тут же заляпала сапоги и лишний раз удивилась собственной глупости – не хватило ума сообразить, что дождем размочит дорогу в полное безобразие. Это тебе не в городе добежать десять метров от подъезда до машины!

Ругаясь сквозь зубы, она вернулась в машину, въехала на участок, подкатила к крыльцу и заглушила мотор.

Вот теперь на нее обрушилась тишина, нарушаемая только унылым завыванием ветра и шорохом последних осенних листьев.

Лиза вышла из машины, запрокинула голову, оглядела дом.

Как и в первый раз, он произвел на нее странное впечатление мрачного благородства. Мощные валуны, из которых был сложен первый этаж, дышали какой-то первобытной силой, потемневшие от времени и непогоды оконные переплеты сохранили строгое изящество, крутая крыша напоминала средневековый рыцарский шлем. Приходилось признать, что этот дом удивительно подходит к скудной северной природе и сегодняшнему мрачному дню.

Лиза поднялась на крыльцо, громко постучала в дверь, окликнула Никиту.

Но он по-прежнему не отзывался.

– Да что же это такое! – пробормотала она сердито и взялась за ручку двери, решив, что это переходит всякие границы и что терпение ее лопнуло.

Но в конце концов, все к лучшему в этом лучшем из миров, как говорит Капа. Теперь у нее развязаны руки, она спокойно скажет Никите, что между ними все кончено, и больше она в эту глушь не придет никогда. Осознав сей факт, Лиза приободрилась и дернула дверь. Та была не заперта.

Она вошла в дом, огляделась по сторонам.

В холле, как и прежде, царили холод и запустение. Казалось, что в доме никто не живет, но точно так же здесь было и раньше, когда ее встречал Никита.

Ей показалось, что внутри еще холоднее, чем на улице. Но хуже, чем холод, было навалившееся на нее ощущение присутствующего в доме зла. Зла и страха. Лиза с трудом преодолела этот страх, откашлялась и снова позвала:

– Никитушка, где ты? Я приехала!

Да где же он? Почему не выходит к ней, почему не отвечает?

Лиза начала беспокоиться. Она позвала еще и замолчала на полуслове, почувствовав, что голос ее дрожит.

Может быть, он заболел, лежит с высокой температурой, не в силах подняться? В таком холоде это неудивительно...

Лиза торопливо поднялась по лестнице на второй этаж, вошла в комнату, которую он выбрал для себя.

Здесь чувствовалось присутствие человека, самое главное, здесь было тепло, всю работу масляный радиатор. Кровать разобрана и еще хранила отпечаток тела, но Никиты здесь не было.

Может, он понял, что сделал глупость, поселившись в этом доме, и уехал в город?

Подумав так, Лиза разозлилась: уехал, ничего ей не сказав, не позвонив, и она впустую проделала такую дорогу, потеряла целый день, чуть не угробила машину...

Но тут до нее дошло, что, если бы Никита уехал, он бы запер входную дверь и уж во всяком случае выключил бы радиатор...

Нет, конечно, он где-то здесь, в доме.

Лиза снова вышла из теплой комнаты в арктический холод, в растерянности остановилась на пороге, громко позвала Никиту, не дождалась ответа и спустилась в холл.

Чувство тоски и неясного страха, разлитое в доме, тут казалось особенно густым и концентрированным. Лиза зябко передернула плечами, огляделась.

Тусклый свет пасмурного дня с трудом проникал сквозь пыльные окна и едва освещал холл.

По углам стояли разрозненные остатки старой мебели: покрытый серой слежавшейся пылью ломберный столик с гнутыми ножками, венский стул, кресло с продранной обивкой.

В глубине, возле давно не топленного камина, виднелась полуоткрытая дверь.

Лиза не помнила, куда ведет эта дверь, но какое-то неосознанное чувство тянуло ее к ней и в то же время отталкивало, предупреждало о таящейся за дверью опасности.

Она все же преодолела страх, подошла к двери, открыла ее.

За дверью была крутая лестница, ведущая в подвал.

Оттуда тянуло еще большим холодом. И еще... еще из подвала сочился какой-то ужасный запах. Ее затосило, сердце поднялось выше и забило где-то у горла.

– Никита! – крикнула она.

Точнее, только хотела крикнуть, голос сорвался, горло сжал спазм.

Лиза пошире открыла дверь, взглянула в темноту подвала... и увидела внизу, на лестнице, вытянувшееся безжизненное тело.

Это был Никита.

Он словно пытался выползти из подвала, но не смог и застыл, вцепившись в ступени.

– Никита! – вскрикнула Лиза с испуганной запоздалой жалостью. – Никитушка...

Она спустилась к нему, боязливо схватила за плечи, встряхнула. Он не подавал признаков жизни. Тогда Лиза перевернула его, увидела лицо – и поняла, что уже ничем не может ему помочь.

Он был мертв. Это стало понятно и по его абсолютной, окончательной неподвижности, и по тому, каким он был холодным, но в первую очередь – по выражению его лица. На его лицо смерть уже наложила свою неизгладимую печать.

И еще... это лицо было искажено диким, невыносимым, первобытным страхом.

Лиза подумала, что сам этот страх вполне мог убить его.

Хотя она не сомневалась, что Никита мертв, она все же проверила пульс. На запястье не нашла, но на всякий случай дотронулась до шеи. Пульса не было, но она заметила чуть ниже уха две небольшие ссадины.

Еще недавно она думала о нем с тоской и раздражением, но теперь вдруг ее сердце пронзила жалость. Жалость и нежность.

Лиза прижала к себе его все еще красивую голову и заплакала.

Она сама не понимала, о чем плачет – об умершем любовнике или о своем потраченном впустую времени и о том, что впереди ее ждет такое привычное, такое ненавидимое ею одиночество...

Тело Никиты было невыносимо холодным – и она отстранилась от него.

И вдруг боковым зрением заметила внизу, в глубине подвала, какое-то движение.

Лиза вздрогнула, повернулась...

Ей показалось, что в темноте мелькнули два огонька.

Она оттолкнула мертвое тело Никиты, вскочила...

Огоньки стали ярче, они приблизились. И вместе с ними приблизился тот ужасный запах, который Лиза почувствовала, открыв дверь подвала. Лиза шагнула вверх по лестнице...

В это время осеннее солнце пробилось из-за туч. Его лучи проникли сквозь пыльные окна, озарили холл тусклым сиянием старого золота и просочились даже в подвал, залив своими слабыми отблесками стоящую на лестнице девушку. Из темноты подвала донеслось раздраженное шипение, какое издает потревоженная змея, и огоньки погасли.

Лиза перевела дыхание, поднялась по лестнице и закрыла за собой подвальную дверь.

Первым ее побуждением было как можно скорее уехать из этого страшного дома, вернуться в город, к своей тусклой, но нормальной и безопасной жизни.

Но потом она спохватилась, мысленно одернула себя. Она представила, как она уедет, а Никита так и будет лежать там, в подвале. Никто не придет, сюда приезжала только Лиза, никто не вспомнит о нем больше...

Нельзя бросить Никиту там, в подвале, оставить его одного навсегда... нужно что-то сделать... «Скорая помощь» уже не требуется, но милицию, то есть полицию, надо вызвать.

Значит, придется еще на какое-то время остаться в этом доме...

Лиза вспомнила огоньки, глядевшие на нее из темноты, и вздрогнула.

Что это было?

«Да ничего, – попыталась она успокоить себя, – может быть, это мне просто померещилось... ну, не померещилось, значит, это бездомная кошка поселилась в подвале...»

Лиза взяла себя в руки, достала телефон, долго соображала, куда звонить, долго тыкала в кнопки непослушными от холода пальцами.

Наконец она дозвонилась куда нужно, сумела внятно объяснить, что нашла в доме мертвого человека, и даже смогла объяснить, что это за дом и где он находится.

Некоторое время она провела в спальне Никиты, находиться в холле не было сил. Лиза обхватила голову руками и отдалась своему горю. Ей было плохо, плохо и стыдно за свое раздражение, за свои злые мысли, за свое решение больше не приезжать. Она ехала сюда и ругала его, а Никита был уже мертв. Есть от чего впасть в тоску!

* * *

Как ни странно, полиция приехала очень скоро. Как объяснил молодой разговорчивый парень, они были поблизости, разбирались с дракой в соседней деревне.

– Ну, что тут у вас? – проворчал второй полицейский, молчаливый коренастый дядька лет пятидесяти.

Лиза с опаской открыла дверь подвала, показала лежащий на лестнице труп. Полицейский спустился, осмотрел труп, пробормотал что-то неразборчивое, потом повернулся к Лизе:

– Вы потерпевшему кем приходитесь?

– Я? Ну... как вам сказать... – Лиза растерянно замолчала.

– Ясно. Любовница. – Полицейский, кряхтя, выбрался из подвала, вытер руки платком.

Его молодой напарник подскочил, как на пружине, и торопливо, возбужденно заговорил:

– Ну, значит, Михалыч, как мне это представляется... Она вот с ним, с потерпевшим, поссорилась, толкнула его, он упал с лестницы и сломал шею... причинение смерти по неосторожности, за это много не дают. Но чистосердечное признание смягчает вину...

– Да что вы такое говорите! – вспыхнула Лиза. – Когда я приехала, он уже был мертв!

– Документы у вас есть? – спросил, не глядя на нее, старший.

– Есть, в машине... – Лиза повернулась, собираясь принести, но молодой схватил ее за локоть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.